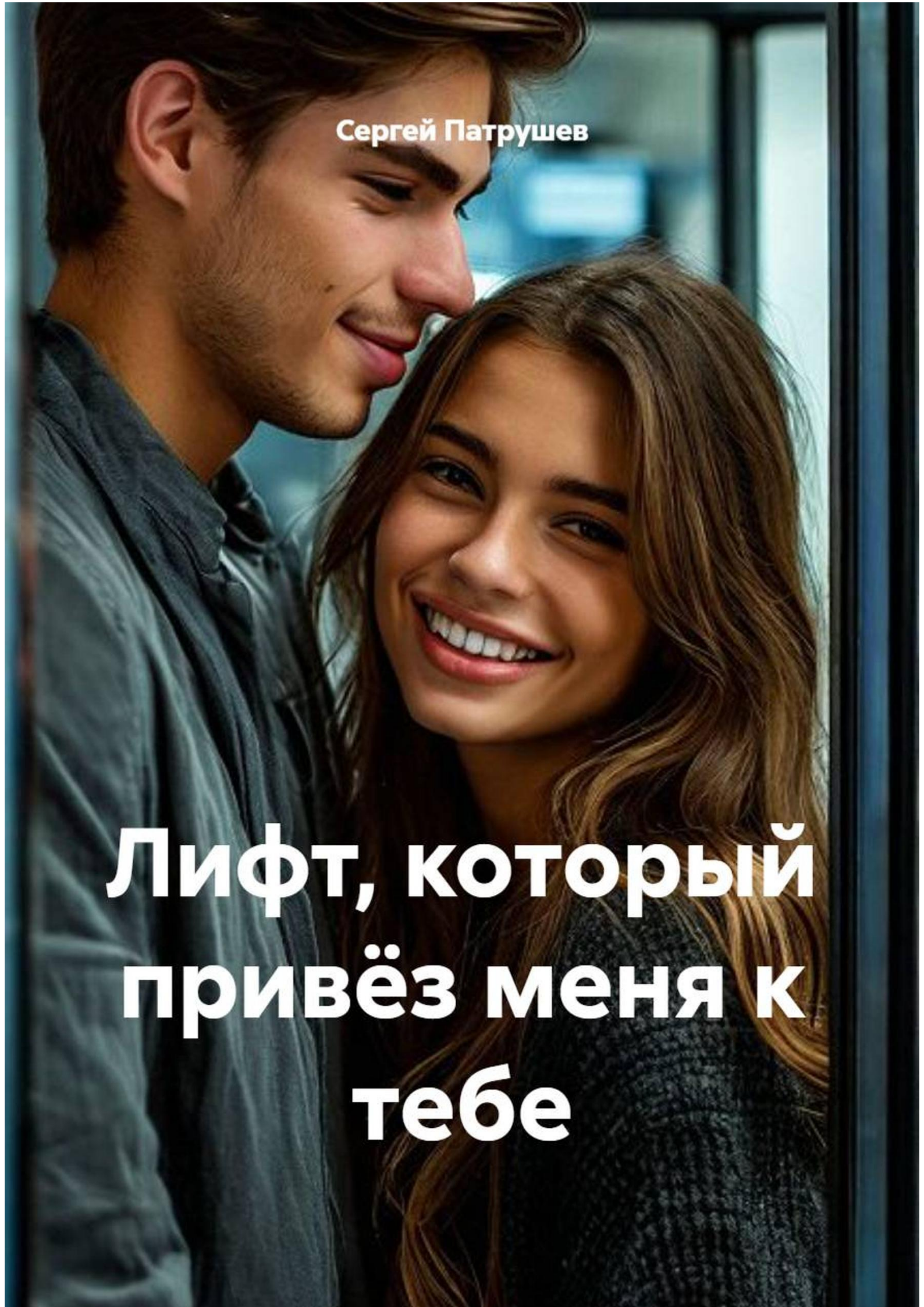


A romantic couple in a close embrace. The man, on the left, has dark hair and a light beard, looking down at the woman with a gentle smile. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is smiling broadly at the camera. They are standing in front of a large window with a view of a city skyline.

Сергей Патрушев

**Лифт, который
привёз меня к
тебе**

Сергей Патрушев

Лифт, который привёз меня к тебе

«Автор»

2026

Патрушев С.

Лифт, который привёз меня к тебе / С. Патрушев — «Автор»,
2026

Иногда судьба выбирает самый обычный день, чтобы ворваться в твою жизнь. Не через громкие события, не через гром и молнию, а через потерянный брелок, случайно открывшуюся дверь и лифт, который решает остановиться на тринадцатом этаже. Сергей даже не думал искать знакомств. Он просто возвращался из магазина, нёс продукты, никуда не спешил. А потом она вошла. Испуганная, с книгами в сумке, соседка с четырнадцатого этажа, которую он никогда раньше не видел. И застрявший лифт вдруг перестал быть проблемой — он стал возможностью. Сергей не растерялся, не замолчал, не застыл. Он начал шутить, рассказывать нелепые истории про домового Кузю и призрачные дискотеки на тринадцатом этаже — и в какой-то момент увидел в её глазах не страх, а улыбку. И понял: это тот самый свет, который он не искал, но хотел найти всю жизнь. Соседи? Да. Незнакомцы? Было. Романтика? Абсолютная. И это только первая глава. Реальная история, рассказанная словами, в которые вложена душа.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Лифт, который привёз меня к тебе

Глава первая. Тринадцатый между нами

Сергей вылетел из дверей продуктового магазина «Магнит» с такой стремительностью, будто за его спиной разверзлась сама преисподняя, хотя на самом деле единственной движущей силой его прыти служил исключительно страх остаться без горячего ужина и, что казалось ему ещё более печальным упущением, пропустить вечерний выпуск местных новостей, который он свято просматривал каждый день по старой, въевшейся в кровь привычке, доставшейся ему ещё от отца, для которого этот ритуал был чем-то вроде медитации. В правой руке он сжимал плотный полиэтиленовый пакет, в котором уютно теснились друг к другу гречневая крупа, свежее куриное филе и пара увесистых помидоров, а в левом покачивался второй пакет, где нашли своё место бутылка кефира, две молочные шоколадки и тюбик зубной пасты, купленный им в последнюю минуту, когда он уже стоял у кассы и судорожно перебирал в голове длинный список необходимых хозяйственных мелочей, который постоянно ускользал от его внимания. Снаружи начинал накрапывать мелкий, назойливый дождь, тот самый осенний дождь, который никак не может определиться со своей природой и словно колеблется между статусом полноценного ливня и лёгкой, почти невесомой моросью, и Сергей, прижимая оба пакета к груди с той бережностью, с какой матери прижимают младенцев, припустил бегом по мокрому асфальту, ловко объезжая быстро разрастающиеся лужи, в которых отражались тусклые огни вечернего города. Дом, к которому он направлялся с такой поспешностью, представлял собой старую панельную высотку, возведённую ещё в восьмидесятых годах прошлого века, которая до сих пор сохраняла гордый, негиббемый вид, несмотря на заметные следы времени в виде облупившейся краски на стенах подъезда и вечно капризничающих лифтов, чьи механизмы давно требовали капитального ремонта, но управляющая компания предпочитала ограничиваться косметическими мерами.

Ключи от квартиры он нащупал в кармане своей старой кожаной куртки ещё на подходе к подъездной двери, однако, когда он уже почти добежал до заветной цели, его пальцы вдруг с ужасом осознали отсутствие брелока от домофона, того самого маленького пластикового квадратика с единственной кнопкой, который он всегда носил на отдельном кольце и который теперь словно растворился в воздухе, не оставив после себя ни малейшего следа. Сергей резко затормозил у самой двери, принялся лихорадочно обыскивать все свои карманы, включая даже те потайные отделения, о существовании которых он сам иногда забывал, а затем, движимый уже откровенным отчаянием, зачем-то заглянул в пакет с продуктами, надеясь на чудо, будто брелок мог каким-то непостижимым образом завалиться туда вместе с куриным филе или помидорами, но чуда, разумеется, не случилось. Он выругался сквозь зубы, бросил короткий взгляд на улицу, где дождь начинал набирать свою разрушительную силу и превращаться в настоящий ливень, и глубоко вздохнул, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце, а затем повернулся к двери и заметил молодую девушку, которая стояла неподалёку с явным намерением также войти в подъезд, и уже собрался было обратиться к ней с просьбой о помощи, как вдруг, совершенно машинально, дёрнул металлическую ручку на себя — и дверь с лёгким, почти мелодичным щелчком поддалась, открывая перед ним спасительный проход. Он моргнул, до конца не веря своему счастью, и в следующее мгновение осознал, что дверь просто осталась незапертой после одного из предыдущих жильцов, и это обстоятельство показалось ему тем самым редчайшим чудом, которое происходит раз в тысячу лет и которое сегодня, по какой-то неведомой причине, решило подарить свою благосклонность именно ему.

Сергей шагнул внутрь тёмного подъезда и, не теряя ни секунды, направился к лестнице, ведущей к лифту, как вдруг услышал за своей спиной быстрые и лёгкие шаги, которые звучали почти бесшумно, будто их обладательница ступала по воздуху, а не по холодному кафельному полу. Та самая девушка, которая стояла у входной двери, тоже вошла внутрь, и её движения были настолько грациозными и плавными, что Сергей поневоле задержал на ней взгляд и в тот же миг почувствовал, что теперь оторвать этот взгляд от неё будет для него задачей почти непосильной. Она оказалась невысокой стройной брюнеткой с тёмными, чуть выющимися волосами, собранными в небрежный, но очень живописный хвост, из которого выбивались отдельные пряди, обрамлявшие её бледное лицо, и с большими серыми глазами, в которых сейчас читалась лёгкая, едва заметная тревога, когда она переводила взгляд с кнопки вызова лифта на двери шахты. В руках она держала небольшой рюкзак из плотной ткани, а через плечо у неё висела сумка, доверху наполненная книгами, и Сергей успел заметить краешек корешка с названием какого-то английского детектива, что вызвало в его душе мгновенный и тёплый отклик, ведь он сам питал слабость к этому жанру с самых школьных лет. Лифт, к всеобщему удивлению, прибыл практически мгновенно, и это событие также можно было назвать маленьким чудом, потому что обычно этот старый механизм заставлял себя ждать по меньшей мере десять минут, особенно в вечерние часы, когда все жильцы возвращались с работы и выстраивались в очередь к единственной работающей кабине.

Они зашли внутрь почти одновременно, и Сергей, следуя правилам хорошего воспитания, галантно пропустил девушку вперёд, хотя внутри кабины было достаточно свободного пространства для них обоих и даже для гипотетического третьего пассажира, который мог бы к ним присоединиться. Кабина лифта выглядела старой и потрёпанной жизнью, с зеркалами, которые давно утратили свою первозданную прозрачность и покрылись сетью мелких царапин и потёртостей, однако эти зеркала всё ещё продолжали отражать окружающий мир, пусть и с той лёгкой дымкой времени, которая придавала любому отражению налёт загадочности и старины. Внутри лифта витал устойчивый, привычный запах, представлявший собой причудливую смесь строительной пыли, старого дерева и ещё какого-то неуловимого аромата, который напоминал Сергею о его собственном детстве, когда он точно так же поднимался в этой самой кабине, крепко держась за руки родителей, и с восторгом разглядывал мелькающие за дверцами этажи. Девушка протянула руку и нажала на кнопку с яркой цифрой четырнадцать, и Сергей едва заметно улыбнулся своим мыслям, потому что ему самому нужно было подняться именно на этот этаж, но он предпочёл промолчать об этом совпадении, чтобы случайно не нарушить ту тонкую и хрупкую тишину, которая успела установиться между ними за эти несколько секунд.

Лифт дёрнулся всем своим металлическим корпусом и начал медленное, но уверенное восхождение вверх, издавая при этом привычный гул, который Сергей знал наизусть уже многие годы — этот звук стал для него неотъемлемой частью повседневной жизни, такой же обыденной, как шум проезжающих трамваев за окном или громкий голос соседки снизу, которая каждый вечер включала свой телевизор на полную мощность и смотрела бесконечные сериалы. Они проехали третий этаж, затем пятый, потом восьмой, и Сергей уже начал мысленно перебирать рецепт предстоящего ужина, прикидывая, сколько времени займёт приготовление курицы с гречкой, как вдруг лифт снова дёрнулся, но на этот раз движение оказалось совершенно иным — резким, скачкообразным, сопровождающимся протяжным металлическим скрежетом, который неприятно резанул по ушам и заставил обоих пассажиров вздрогнуть. Кабина остановилась с глухим стуком, и Сергей ощутил, как его тело на мгновение потеряло вес, а затем снова обрело его, но вместе с этим возвращением тяжести пришло и странное чувство

абсолютной неподвижности, будто весь внешний мир, находившийся за пределами этой железной коробки, перестал существовать, растворился в густом вечернем воздухе. Девушка подняла свои большие серые глаза на маленький табло, где сейчас горела цифра тринадцать, и Сергей заметил, как её лицо стремительно побледнело, утратив последние следы естественного румянца, а пальцы, которые до этого покоились на рюкзаке с полным спокойствием, внезапно сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки.

— Кажется, мы застряли, — произнесла она, и её голос прозвучал очень тихо, с едва заметной дрожью, которую она пыталась подавить волевым усилием, но которая всё равно просачивалась наружу, выдавая её внутреннее состояние.

Сергей шагнул к панели управления и решительно нажал на красную кнопку вызова диспетчера, однако в ответ не раздалось ни звука, кроме слабого потрескивания статического электричества, которое казалось насмешливым эхом его собственного беспокойства. Он нажал на кнопку ещё раз, сильнее, почти вдавливая хрупкий пластик в металлическую панель, но результатом его усилий стала лишь та же звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим жужжанием где-то в глубине лифтовой шахты, звучащим как издевательский смех над их незавидным положением. Девушка сделала шаг назад и прижалась спиной к холодной стенке кабины, и Сергей ясно увидел, как её глаза широко распахнулись, а дыхание сделалось частым и поверхностным — она явно страдала от клаустрофобии, этого древнего и могучего страха перед замкнутыми пространствами, и этот страх сейчас вырывался наружу с неудержимой силой, несмотря на все её отчаянные попытки сохранить внешнее спокойствие. Сергей прекрасно знал это ощущение липкого ужаса, потому что в детстве он сам боялся лифтов с той же всепоглощающей силой, особенно после одного памятного случая, когда он застрял в этом самом лифте вместе со своей бабушкой и они просидели там почти целый час, пока вызванные слесари не освободили их из этой железной ловушки. Теперь, глядя на девушку, на её побелевшие губы и расширенные зрачки, он вдруг осознал с кристальной ясностью, что его главная задача сейчас заключается в том, чтобы найти способ отвлечь её от этого всеобъемлющего страха, который заполнял маленькую кабину быстрее, чем сгущались вечерние сумерки за окнами домов, которых в лифте, разумеется, не было, но богатое воображение Сергея с готовностью дорисовывало недостающие детали.

— Какая занятная ситуация, — произнёс он самым бодрым и жизнерадостным тоном, на который только был способен в данных обстоятельствах, стараясь придать своему голосу оттенок лёгкой беззаботности. — Тринадцатый этаж, самая загадочная и мистическая остановка во всём нашем доме. Вам известно, что на этом этаже давно никто не проживает? Старожилы рассказывают, что здесь по пятничным вечерам призраки устраивают шумные дискотеки с музыкой восьмидесятых, а по субботам собираются за карточными столами и играют в покер на старые советские монеты. Я сам слышал, как они громко стучат в потолок, когда их соседи сверху, с четырнадцатого этажа, включают музыку на полную мощность и мешают им наслаждаться их потусторонним досугом.

Девушка подняла на него свой взгляд, и в глубине её серых глаз мелькнуло выражение крайнего удивления, смешанного с лёгким недоверием к его словам, однако её дыхание постепенно начало выравниваться, а пальцы, сжимавшие рюкзак, слегка расслабились, утратив ту мертвую хватку, которая была заметна всего минуту назад. Сергей почувствовал, что выбрал правильную интонацию, и продолжил свою импровизированную речь, ощущая, как вдохновение наполняет его изнутри:

— А слышали ли вы историю о домовом, который обитает в нашем лифте? Его имя Кузя, и он терпеть не может, когда его тревожат после восьми часов вечера, потому что в это время он смотрит свои любимые сериалы на потустороннем телевидении. Видимо, сегодня мы с вами застали его как раз во время вечерней прогулки, и он решил таким оригинальным способом познакомиться с новыми жильцами. Меня, кстати, зовут Сергей, я проживаю на четырнадцатом этаже уже много лет и знаю все местные легенды.

— Аня, — ответила она, и её голос прозвучал уже гораздо твёрже и увереннее, хотя в нём всё ещё угадывалась лёгкая, едва уловимая дрожь, которая выдавала её недавнее волнение. — Вы всегда находите такие необычные способы разрядить напряжённую обстановку или сегодняшний случай является исключением из правил?

— Обычно я предпочитаю шутить только в самых критических ситуациях, — сказал Сергей и тут же внутренне поморщился, потому что его ответ прозвучал чересчур пафосно и напыщенно даже для его собственного вкуса. — Простите, это моя нервная система так реагирует на стресс. На самом деле я просто пытаюсь вас развлечь, потому что у меня есть твёрдая теория: если пассажиры смеются внутри лифта, то механизм работает быстрее и охотнее выбирается из любого затора.

Аня улыбнулась той едва заметной, но искренней улыбкой, которая преобразила всё её лицо, сделав его мягче, теплее и совершенно лишённым того испуга, который читался на нём всего несколько минут назад, и Сергей ощутил, как эта улыбка становится для него маленькой победой, завоеванной в этой тесной железной коробке. Он вдруг понял с поразительной ясностью, что готов оставаться в этом застрявшем лифте ещё несколько часов, если бы это позволило ему наблюдать за этой преображающей улыбкой снова и снова, и это открытие удивило его самого, потому что обычно он считал себя человеком практичным и лишённым романтических порывов, особенно в окружении старых зеркал с потёртостями и стен, пропитанных запахом машинного масла.

— Вы тоже направляетесь на четырнадцатый этаж? — спросил он, хотя уже знал ответ на свой вопрос, но ему хотелось услышать подтверждение из её собственных уст.

— Да, именно туда, — кивнула она, и в её движении чувствовалась уже прежняя уверенность. — Я переехала в этот дом совсем недавно, всего пару недель назад. Моя квартира имеет номер сто двадцать восемь. А вы?

— А я проживаю в сто двадцать девятой, — ответил Сергей, и ему вдруг показалось, что это удивительное совпадение — застрять в лифте с девушкой, которая оказалась его соседкой напротив, — является вовсе не случайностью, а каким-то важным знаком свыше, хотя он никогда раньше не верил в подобные мистические предзнаменования. — Получается, мы живём буквально друг напротив друга, через лестничную площадку. Мы соседи.

Аня с удивлением приподняла свои тёмные брови, и в её глазах промелькнул тот любопытный огонёк, который она, впрочем, тут же постаралась спрятать за вежливой и сдержанной маской светского общения. — Выходит, что так, — произнесла она с лёгкой усмешкой. — Очень приятно познакомиться с вами, сосед.

— Взаимно, — ответил он, чувствуя, как его собственные губы растягиваются в улыбке. — Хотя обстоятельства нашего знакомства оставляют желать лучшего. Обычно я предлагаю

гостям чай или кофе, когда приглашаю их в свою квартиру, а сегодня я держу вас в настоящем заточении внутри старой железной коробки.

Она снова улыбнулась, и на этот раз её улыбка стала шире и почти смешливой, словно она начала находить некоторое удовольствие в их незавидном положении. — Я обязательно запомню ваше любезное приглашение, — сказала она с лёгкой иронией в голосе. — Но, возможно, сначала нам стоит выбраться из этого лифта, а уже потом обсуждать планы на чаепитие?

Сергей снова нажал на кнопку вызова диспетчера и на этот раз услышал в маленьком динамике какое-то потрескивание, а затем хриплый, равнодушный голос, который доносился словно из глубокого подземелья. Диспетчер, явно уставший от бесконечных жалоб жильцов, сообщил им, что они должны спуститься на первый этаж пешком по лестнице, потому что в лифте произошёл серьёзный сбой в системе управления, и что они уже вызвали механика, который прибудет через двадцать минут и устранит неисправность. Сергей вздохнул, но этот вздох выражал не столько отчаяние, сколько облегчение от того, что их положение имеет чёткое решение и их оставят здесь на всю ночь. Аня, как показалось Сергею, тоже почувствовала некоторое успокоение, хотя её ладони по-прежнему оставались сжатыми в кулаки, и она продолжала смотреть на закрытые двери лифта с таким напряжённым вниманием, словно пыталась силой своего взгляда заставить их открыться.

— Раз уж судьба занесла нас на тринадцатый этаж и оставила здесь в заточении, давайте устроим маленький праздник в честь нашего знакомства, — предложил Сергей, старательно отводя взгляд от её сжатых кулаков, чтобы случайно не напомнить ей о её страхе. — В моих пакетах нашлась пара шоколадок, а в вашей сумке, как я заметил, лежат интересные книги. Это отличный повод для импровизированного литературного вечера, вам не кажется?

Аня улыбнулась, но на этот раз в её улыбке чувствовался оттенок смущения, словно она была тронута его внимательностью и проницательностью. — Вы успели заметить мои книги? — спросила она с лёгким удивлением.

— Только краешек корешка, но этого оказалось достаточно, чтобы понять, что вы читаете детектив, — ответил Сергей с довольной улыбкой. — Я сам большой любитель этого жанра, особенно классических английских детективов с их неторопливым повествованием и изысканными головоломками.

— Агата Кристи? — переспросила она, и в её голосе послышалась нотка надежды и предвкушения.

— Разумеется, я имею в виду именно её, — подтвердил Сергей с искренним энтузиазмом. — У меня дома хранится почти полное собрание её сочинений, и я перечитывал каждую книгу минимум по пять раз, находя в них новые детали и оттенки.

— Тогда нам определённо есть о чём поговорить, — произнесла Аня, и в её голосе Сергей уловил ту живую заинтересованность, которую он так хорошо умел распознавать в людях с тех пор, как начал работать в сфере продаж. — А вы находите, что её развязки становятся слишком предсказуемыми после того, как познакомишься с её методами работы?

Этот вопрос застал Сергея врасплох своей глубиной и неожиданностью, и он на мгновение задумался, погрузившись в размышления. В лифте в этот момент зажужжала старая лампа

дневного света, и на короткую секунду кабину окутала полная темнота, а затем свет вспыхнул снова, но уже более тусклый и желтоватый, словно лифт тоже пытался принять участие в их разговоре и размышлял, стоит ли продолжать эту игру со случайными пассажирами. Сергей поймал себя на мысли, что этот вечер, начавшийся как самый обычный и прозаический поход в магазин за продуктами, постепенно превращается в ту самую историю, которую потом с удовольствием рассказывают за ужином друзьям и знакомым, и почему-то ему совсем не хотелось, чтобы это приключение заканчивалось так быстро.

— Знаешь, — сказал он, переходя на «ты» совершенно естественно и незаметно для самого себя, словно они были знакомы уже много лет, — я всегда считал, что главная хитрость Агаты Кристи заключается вовсе в том, чтобы удивить читателя неожиданным убийцей, а в том искусстве, с каким она подводит его к разгадке. Ты с самого начала знаешь, что кто-то из присутствующих является преступником, но ты понятия не имеешь, каким именно путём она приведёт тебя к этому открытию. Это напоминает игру в шахматы, где ты видишь все фигуры на доске, но ты не можешь предугадать следующий ход противника.

Аня посмотрела на него с новым, более глубоким вниманием, будто видела перед собой совершенно другого человека, и в этом взгляде таилось что-то важное, что Сергей пока не мог до конца осмыслить. — Ты абсолютно прав, — произнесла она тихо, и в её голосе звучало искреннее восхищение его проницательностью. — Я никогда раньше не рассматривала её творчество с этой точки зрения, но теперь, когда ты это сказал, всё встало на свои места.

Между ними воцарилась тишина, однако эта тишина разительно отличалась от той напряжённой и давящей тишины, которая висела в кабине в самом начале их заточения, — это была тишина двух людей, которые внезапно осознали, что между ними существует настоящая духовная связь, и это открытие оказалось почти таким же неожиданным и волнующим, как и само застревание на тринадцатом этаже. Прошло ещё несколько томительных минут, и лифт внезапно содрогнулся всем своим корпусом, но на этот раз его движение было направлено вниз, плавное и медленное, словно кто-то наверху сжалился над их положением и решил отпустить их из этой металлической западни. Кабина начала свой неторопливый спуск, и Сергей выдохнул с явным облегчением, хотя в самой глубине его души зашевелилось сожаление о том, что эта странная и прекрасная встреча, случившаяся в самом неожиданном месте, подходит к своему неизбежному завершению.

Когда лифт достиг первого этажа и его двери с тем же противным, дребезжащим скрипом распахнулись, в образовавшемся проёме показался слесарь — мужчина средних лет с уставшим лицом, в промасленной рабочей куртке и с большим набором ключей в руках. Он что-то проворчал себе под нос о вечно ломающихся механизмах и нерадивых жильцах, но Сергей практически не слушал его ворчание, потому что все его мысли и взгляды были прикованы к Ане, которая выходила из кабины первой, и её походка уже обрела прежнюю уверенность и лёгкость, без малейших следов той паники, которая владела ею в самом начале их приключения. Она обернулась к нему на пороге и одарила его такой тёплой и открытой улыбкой, что у Сергея перехватило дыхание, и в этой улыбке он прочитал не просто благодарность за помощь, а нечто большее — обещание продолжения, обещание того, что их случайное знакомство перерастёт в нечто более значительное.

— Пойдёмте, — сказала она, и в её голосе звучала та же лёгкая радость, которую он чувствовал и в себе. — Второй лифт, надеюсь, окажется более сговорчивым и доставит нас на нужный этаж без приключений.

Они пересели во второй лифт, тот, что стоял справа, и этот механизм работал как часы — без единого скрипа, без малейшего дёрганья, словно он хотел продемонстрировать всем своим безупречным ходом, что далеко не все лифты в этом доме настроены против своих жильцов и способны выполнять свою прямую обязанность с должным усердием. Поднимались они в полном молчании, но это молчание было наполнено тем особым содержанием, которое возникает только между людьми, пережившими вместе нечто необычное, и оно скорее объединяло их, чем разделяло, словно они были знакомы уже много лет. Когда кабина остановилась на четырнадцатом этаже и двери с мелодичным звоном распахнулись, Сергей вышел первым и замер на лестничной площадке, оглядывая знакомый коридор с новыми, неожиданными глазами. Он посмотрел налево, на массивную дверь с номером сто двадцать восемь, за которой скрылась его новая знакомая, а затем направо, на свою собственную дверь под номером сто двадцать девять, и ощутил, как внутри него всё переворачивается от осознания того простого факта, что отныне его жизнь обрела новое измерение, новую соседку, с которой можно обсуждать любимые книги и которой он сегодня помог справиться со страхом, или, возможно, это она спасла его от очередного одинокого вечера, проведённого перед телевизором с тарелкой гречки.

— Ну вот, мы и добрались до места, — произнёс он, поворачиваясь к ней и чувствуя, как его сердце бьётся где-то в горле. — Соседка.

— Сосед, — ответила она, и в её голосе зазвучала та же лёгкая, искренняя радость, которая переполняла и его собственное сердце. — Спасибо вам за этот необычный литературный вечер, хотя шоколада мы так и не попробовали, а книги так и остались лежать в сумке.

Сергей широко улыбнулся и полез в свой пакет, извлекая на свет одну из двух шоколадок, которые он купил в магазине перед тем, как судьба забросила его в застрявший лифт. — Вот, — сказал он, протягивая ей плитку с лёгким поклоном. — Это аванс в счёт нашего будущего литературного клуба. Завтра в это же время я жду вас с книгой Агаты Кристи, и мы обязательно обсудим её во всех деталях. Разумеется, если вы не возражаете против такого соседского вторжения в ваше личное пространство.

Аня взяла шоколадку из его рук, и в тот самый миг, когда их пальцы соприкоснулись, Сергей ощутил тепло, исходящее от её кожи, и это прикосновение показалось ему живым, настоящим, напоминающим о том, что даже в самой нелепой и пугающей ситуации, такой как застревание в лифте, можно отыскать крупицы счастья и надежды. — Я нисколько не возражаю, — ответила она с той же тёплой улыбкой, которая уже начала становиться для Сергея привычной и желанной. — Приходите завтра, я обещаю заварить самый лучший чай, который только найдётся в моём новом доме.

Она повернулась, открыла дверь своей квартиры и скрылась за ней, оставив после себя лишь лёгкий аромат духов и то неуловимое ощущение присутствия, которое быстро рассеялось в прохладном воздухе коридора. Сергей остался стоять на лестничной площадке, глядя на закрывшуюся дверь, и чувствовал, как этот вечер, начавшийся с холодного дождя, потерянного брелока и спешки, заканчивается чем-то гораздо более важным и значительным, чем просто возвращение домой с двумя пакетами продуктов. Он вошёл в свою квартиру, поставил пакеты на кухонный стол и, подойдя к тёмному окну, за которым уже всюду зажигались огни вечернего города, улыбнулся собственному отражению в стекле. Тринадцатый этаж, который казался таким зловещим и пугающим в первый момент их заточения, превратился для него в мост, соединяющий две судьбы, и Сергей понял с абсолютной ясностью, что теперь каждый раз,

когда он будет заходить в этот старый лифт, он будет вспоминать эту удивительную встречу, эту девушку с серыми глазами и с книгой детектива в сумке, и эту первую главу их общей истории, которая только начинала разворачиваться на страницах их жизни.

Глава вторая. Чай по расписанию

Утро следующего дня встретило Сергея ярким солнечным светом, который пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы и ложился золотистыми полосами на старый паркет, покрытый сетью мелких царапин и потёртостей, оставленных годами неспешной жизни, и этот свет казался ему сегодня каким-то особенным, почти праздничным, словно сама природа решила отметить то необычное событие, которое произошло с ним прошлым вечером в застрявшем лифте на тринадцатом этаже. Он лежал в постели, глядя в белый потолок с едва заметными трещинами, напоминавшими карту неизведанной страны, и перебирал в памяти каждую деталь их разговора: её испуганный взгляд, когда лифт остановился, её робкую улыбку, когда он начал свои шутки про призраков и домового Кузю, и тот самый момент, когда их пальцы соприкоснулись при передаче шоколадки, и он почувствовал, как по его руке пробежал электрический разряд, которого он не испытывал уже много лет. Сергей вдруг осознал, что предстоящий вечер, на который он сам же и пригласил Аню для обсуждения Агаты Кристи, наполняет его таким трепетным волнением, какое он испытывал разве что в школьные годы перед первым свиданием с одноклассницей, и это открытие одновременно радовало его и слегка пугало, потому что он привык считать себя взрослым, уравновешенным человеком, далёким от тех юношеских переживаний, которые теперь вновь завладели его мыслями.

Он поднялся с кровати, потянулся, чувствуя, как приятно хрустят суставы после долгого сна, и направился на кухню, где его ждала старая кофеварка, подаренная ему ещё на прошлый Новый год коллегами по работе, и эта кофеварка, несмотря на свой почтенный возраст, продолжала исправно выполнять свои обязанности, наполняя утро ароматом свежесваренного кофе, который смешивался с запахом хлеба из ближайшей булочной. Пока вода закипала, Сергей машинально подошёл к окну и выглянул во двор, где дети уже бегали по мокрому после вчерашнего дождя асфальту, а старушки на скамейках обсуждали последние новости своего маленького мирка, и вдруг его взгляд упал на дверь подъезда, из которой в этот момент вышла Аня, и его сердце пропустило удар, а затем забилося с удвоенной силой. Она была одета в лёгкое бежевое пальто, которое очень шло к её тёмным волосам, и несла в руках ту же самую сумку с книгами, которую он заметил ещё вчера, и Сергей наблюдал за тем, как она пересекает двор своей лёгкой, почти танцующей походкой, и исчезает за поворотом, ведущим к остановке общественного транспорта, и в этот момент он понял, что его обычный, размеренный день превратился в мучительное ожидание вечера, когда он снова сможет увидеть её и услышать её голос.

Весь день на работе прошёл для Сергея в каком-то тумане, потому что его мысли постоянно возвращались к предстоящей встрече, и он несколько раз ловил себя на том, что смотрит на часы с нетерпением школьника, ожидающего последнего звонка, а его коллеги, привыкшие к его обычной сосредоточенности, начали поглядывать на него с лёгким недоумением, потому что он несколько раз переспрашивал их вопросы и допускал ошибки в документах, которые обычно заполнял с закрытыми глазами. Когда рабочий день наконец завершился, Сергей с такой поспешностью покинул офис, что его начальник только покачал головой, глядя ему вслед, и пробормотал что-то о том, что у молодёжи сейчас совершенно другие приоритеты, хотя Сергею было уже далеко до молодёжи, и он сам прекрасно это осознавал. По дороге домой он зашёл в небольшую кондитерскую лавку, которую знал ещё с тех времён, когда она откры-

лась в их районе, и купил целый набор разнообразных пирожных, потому что ему хотелось произвести на Аню должное впечатление и показать, что он умеет быть гостеприимным хозяином, даже если его кулинарные навыки ограничивались варкой гречки и жаркой курицы, и он прекрасно понимал, что одними шоколадками здесь обойтись уже не получится.

Он вернулся домой за час до назначенного времени и принялся лихорадочно наводить порядок в своей квартире, которая, надо признаться, выглядела довольно запущенной, потому что последние несколько месяцев Сергей проводил вечера в одиночестве и совершенно не заботился о том, чтобы его жилище выглядело приветливым и уютным. Он вытер пыль с книжных полок, которые занимали целую стену в гостиной и были заполнены томами самого разного содержания, от классической литературы до современных детективов, и с особой тщательностью расставил книги Агаты Кристи на самом видном месте, чтобы его гостя могла сразу оценить его приверженность любимому жанру. Затем он проверил, достаточно ли чистой посуды для чаепития, заварил ароматный чёрный чай с бергамотом, который он приберёт для особых случаев, и разложил пирожные на большой тарелке, стараясь придать им максимально эстетичный вид, хотя в глубине души он понимал, что Аня, скорее всего, обратит внимание вовсе не на сервировку стола, а на те книги, которые он приготовил для обсуждения, и на те мысли, которыми они смогут поделиться друг с другом.

Ровно в восемь часов вечера, когда за окнами уже начали зажигаться первые звёзды, а город погрузился в тот особенный, вечерний ритм, который отличает его от дневной суеты, Сергей услышал осторожный, но отчётливый стук в дверь, и его сердце снова пропустило удар, а затем забило с такой частотой, будто он пробежал марафонскую дистанцию. Он открыл дверь и увидел Аню, стоящую на пороге с той же тёплой улыбкой, которую он запомнил с прошлого вечера, и в руках она держала не только свою обычную сумку с книгами, но и небольшую бутылку красного вина, которую она протянула ему в качестве жеста доброй воли и благодарности за вчерашнюю поддержку. Она была одета в простой, но очень элегантный свитер небесно-голубого цвета, который подчёркивал цвет её глаз, и тёмные джинсы, и Сергей на мгновение замер, любуясь этим зрелищем, а затем широко улыбнулся и пригласил её войти, чувствуя, как его квартира, которую он считал такой обычной и непримечательной, внезапно наполнилась светом и теплом от одного только её присутствия.

— Я подумала, что будет невежливо приходить в гости с пустыми руками, — сказала Аня, входя в прихожую и оглядываясь по сторонам с любопытством человека, который только начинает осваиваться в новом месте. — Тем более что вы вчера так щедро поделились со мной шоколадкой, а я даже не успела вас поблагодарить должным образом.

— Вы могли бы прийти и просто так, без всяких подарков, — ответил Сергей, принимая бутылку и чувствуя, как его пальцы снова соприкасаются с её пальцами, и это короткое прикосновение вызывает в нём ту же электрическую дрожь, что и накануне. — Но вино — это замечательный сюрприз. Оно отлично дополнит наш литературный вечер, тем более что сегодня мы собирались обсуждать не только книги, но и, возможно, обмениваться мнениями о жизни в целом.

Он проводил её в гостиную, которая была залита мягким светом торшера, стоявшего в углу и создававшего уютную, почти интимную атмосферу, и Аня с восхищением оглядела книжные полки, подходя к ним с явным интересом человека, который ценит печатное слово и способен провести часы в библиотеке, перебирая корешки старых изданий. Она провела пальцем по корешку одного из томов Агаты Кристи, и Сергей заметил, как её глаза загорелись тем

особенным светом, который появляется у людей, когда они находят что-то близкое и родное своему внутреннему миру.

— Вы действительно собрали почти полную коллекцию, — произнесла она с искренним восхищением, оборачиваясь к нему. — Я вижу здесь даже те ранние издания, которые уже давно не переиздаются. Где вы их находили?

— По букинистическим магазинам, на блошиных рынках, иногда заказывал через интернет, — признался Сергей, чувствуя, как его наполняет гордость от того, что его увлечение вызвало у неё такой живой отклик. — Это моя маленькая страсть, если можно так выразиться. У каждого человека должно быть что-то, что приносит ему радость, даже если это просто старые книги с пожелтевшими страницами.

Они уселись за небольшой круглый стол, который Сергей специально выдвинул на середину комнаты, и начали своё чаепитие, которое быстро переросло в длинный и увлекательный разговор о самых разных вещах: о книгах, которые они любили в детстве, о фильмах, снятых по мотивам детективов, о путешествиях, которые они хотели бы совершить, если бы у них было достаточно времени и средств для этого. Аня рассказывала о своей работе в маленьком издательстве, где она занималась редактированием текстов, и Сергей слушал её с таким вниманием, будто каждое её слово имело колоссальное значение, и он удивлялся тому, насколько легко и естественно они общаются, словно знали друг друга уже много лет, а не всего лишь двадцать четыре часа. Она говорила с лёгкой жестикующей, которая делала её рассказы живыми и образными, и Сергей не мог отвести глаз от её лица, от её рук, от того, как она иногда откидывала прядь волос, упавшую на глаза, и это простое движение казалось ему самым прекрасным зрелищем на свете.

Когда чай остыл, а тарелка с пирожными опустела наполовину, Аня взяла с полки один из томов и раскрыла его на первой странице, и Сергей понял, что они переходят к главной части своего вечера — к обсуждению той самой книги, которую она принесла с собой вчера в лифте. Это была «Убийство в Восточном экспрессе», один из самых известных романов Кристи, и Аня призналась, что перечитывает его уже в третий раз, потому что каждый раз находит в нём новые детали, которые упустила в предыдущие прочтения, и это признание вызвало в душе Сергея чувство глубокой симпатии, потому что он сам относился к этой книге точно так же и мог обсуждать её часами, находя всё новые и новые слои смысла в казалось бы простом сюжете. Они принялись разбирать характеры персонажей, спорить о мотивах убийцы, строить предположения о том, как сложилась бы судьба героев, если бы их пути пересеклись в других обстоятельствах, и этот спор был наполнен не раздражением, а тем особым наслаждением, которое приходит только к единомышленникам, способным ценить интеллектуальную игру.

Время пролетело совершенно незаметно, и когда Сергей бросил взгляд на часы, он с удивлением обнаружил, что уже перевалило за полночь, а за окнами давно погасли огни в соседних домах, и только луна освещала пустые улицы своим холодным серебряным светом. Аня зевнула, прикрывая рот ладонью, и Сергей почувствовал лёгкое сожаление от того, что их вечер подходит к концу, но в то же время он понимал, что они оба устали и нуждаются в отдыхе, и что завтрашний день принесёт им новые возможности для общения, если, конечно, она согласится повторить этот опыт. Он проводил её до двери, и когда она уже переступила порог и обернулась, чтобы попрощаться, он вдруг набрался смелости и спросил, не хочет ли она завтра вечером прогуляться по парку, который находился в двух кварталах от их дома, и

в котором, как он знал, сейчас стояла особая красота с золотыми листьями и чистыми, прозрачными аллеями.

— Я с удовольствием прогуляюсь с вами, — ответила Аня, и в её голосе прозвучала та же искренняя радость, которую он чувствовал в себе. — Но при одном условии: вы позволите мне угостить вас мороженым, которое продают в том маленьком киоске у входа в парк. Говорят, у них самое вкусное пломбир в городе.

Сергей рассмеялся, соглашаясь на это условие, и закрыл дверь за её спиной, чувствуя, как его сердце наполняется теплом и надеждой на то, что это знакомство, начавшееся в застрявшем лифте, может стать началом чего-то гораздо более значительного, чем просто соседские отношения, ограниченные случайными встречами на лестничной площадке. Он прошёл на кухню, где на столе всё ещё стояли две чашки с остатками чая и тарелка с двумя пирожными, которые они так и не попробовали, потому что были слишком увлечены разговором, и убрал всё это, размышляя о том, как быстро человек может привыкнуть к присутствию другого человека в своей жизни, даже если это присутствие длилось всего несколько часов. Он лёг спать с лёгкой улыбкой на губах, и сны его были наполнены образами из книг Агаты Кристи и серыми глазами Ани, которые смотрели на него с той же тёплой и открытой заинтересованностью, какую он видел в них сегодня вечером.

Следующие две недели стали для Сергея и Ани временем настоящего сближения, потому что они обнаружили, что их расписания удивительно совпадают и позволяют им видеться почти каждый день: иногда они сталкивались в лифте, когда он возвращался с работы, а она выходила за хлебом в соседний магазин, иногда она звонила ему и предлагала посмотреть новый фильм, который она скачала на свой ноутбук, а иногда он спускался к ней с бутылкой того самого красного вина, которое она принесла на их первый литературный вечер, и они обсуждали свои рабочие проблемы, делились смешными историями из прошлого и строили планы на будущее. Сергей с удивлением обнаружил, что Аня обладает удивительным чувством юмора и способностью находить радость в самых обыденных вещах, и его собственная жизнь, которая до этого казалась ему серой и однообразной, наполнилась новыми красками и смыслом, потому что каждый новый день обещал новое приключение и новые слова, которыми они могли обменяться.

Они начали ходить на утренние пробежки в парк, где Сергей, который никогда не был любителем спорта, вдруг осознал, что готов вставать на час раньше только для того, чтобы видеть, как Аня улыбается ему сквозь утренний туман, и слышать её дыхание, которое становилось глубже и ровнее по мере того, как они бежали по аллеям, усыпанным опавшими листьями. По выходным они выбирались в книжные магазины, где часами бродили между стеллажами, спорили о достоинствах тех или иных изданий, покупали друг другу книги с тёплыми надписями на форзацах, а затем сидели в маленьких уютных кафе, потягивая капучино и обсуждая прочитанное, и эти моменты казались Сергею самыми счастливыми в его жизни, хотя он и не решался признаться в этом даже самому себе. Однажды, когда они сидели в том самом кафе, куда зашли после долгой прогулки по городу, Аня вдруг замолчала и посмотрела на него с необычной серьёзностью, и Сергей почувствовал, что сейчас произойдёт что-то важное.

— Знаешь, Серёжа, — начала она, впервые называя его так, сокращённо, и это имя прозвучало в её устах так естественно и тепло, что у него перехватило дыхание. — Я давно хотела тебе сказать, что с того самого вечера в лифте я чувствую себя здесь, в этом городе, гораздо более уверенно и спокойно. До встречи с тобой я думала, что переезд был ошибкой, что я

никогда не найду здесь друзей и знакомых, с которыми можно разделить радости и печали, а теперь я понимаю, что жизнь преподнесла мне удивительный подарок, и этот подарок — наше знакомство.

Сергей не нашёл слов для ответа, но его улыбка, широкая и искренняя, сказала больше, чем любые фразы, и он протянул свою руку через стол и накрыл её ладонь своей, чувствуя, как этот жест, казавшийся таким простым, на самом деле означает гораздо больше, чем любое признание в дружбе или симпатии, потому что в нём было обещание того, что они продолжат этот путь вместе, несмотря на любые препятствия и невзгоды. Они просидели в кафе до самого закрытия, а когда вышли на улицу, ночной город встретил их дождём, который тихо шелестел по асфальту и крышам, и они стояли под маленьким навесом, глядя на мокрые фонари и тени, которые отбрасывали прохожие, и Сергей вдруг понял, что этот момент, со всей его простотой и обыденностью, будет одним из тех, которые он запомнит навсегда.

Дома они прощались уже по привычке тепло и долго, каждый раз находя новые слова и новые улыбки, и Сергей замечал, как Аня каждый раз, скрываясь за своей дверью, бросает на него короткий прощальный взгляд, который говорит ему больше, чем все их долгие разговоры вместе взятые. Он возвращался в свою квартиру, где теперь всё чаще появлялись её вещи — забытая заколка на полке в ванной, книга с закладкой на середине, оставленная на его столике, чашка, из которой она пила чай, и он находил особое удовольствие в том, что эти маленькие следы её присутствия заполняли его дом, делая его менее пустым и холодным. Однажды, когда он пришёл с работы и уже собирался заварить чай, он заметил под дверью записку, написанную её аккуратным почерком, в которой говорилось: «Сегодня вечером у меня есть идея для совместного ужина, но я не говорю тебе, что это за идея. Просто жди меня в восемь и ничего не готовь. С любовью, твоя соседка Аня».

Сергей прочитал эту записку несколько раз, и его сердце наполнилось таким теплом, что он почувствовал, как оно может выпрыгнуть из груди, и он провёл следующие полтора часа в мучительном ожидании, перебирая в голове возможные варианты её сюрприза и не находя ни одного, который казался бы ему достаточно вероятным. Когда часы показали восемь, раздался звонок в дверь, и Сергей открыл её, готовый к чему угодно, и увидел Аню, которая стояла на пороге с большой корзиной, наполненной продуктами, и её лицо светилось той особенной радостью, которую он научился различать за эти две недели их близкого общения.

— Я решила, что пришло время показать тебе, что я тоже умею готовить не хуже, чем ты, — сказала она с лукавой улыбкой, входя в квартиру и направляясь прямо на кухню, где начала с хозяйственной ловкостью раскладывать принесённые продукты. — Сегодня мы будем готовить ужин вместе, и это будет наш первый совместный кулинарный эксперимент. Я надеюсь, ты не боишься рисковать.

Сергей рассмеялся, вспоминая свою неуклюжую попытку произвести на неё впечатление с помощью гречки и курицы, и с радостью присоединился к ней, потому что ему хотелось разделить с ней каждое мгновение, каждую мелочь, даже самую обычную и будничную, какую только можно разделить с другим человеком. Они стояли плечом к плечу у старой кухонной плиты, нарезаая овощи, помешивая соусы и обсуждая, сколько соли и специй нужно добавить в то или иное блюдо, и Сергей ловил себя на мысли, что это самое счастливое время в его жизни, когда каждое движение рядом с ней, каждая улыбка и каждое слово наполнено тем особым смыслом, который приходит только тогда, когда находишь человека, способного стать

не просто соседом, но и другом, и, возможно, чем-то гораздо большим, чем он пока решался себе представить.

Когда ужин был готов и они уселись за стол, на котором теперь красовались не только тарелки с горячей пастой и ароматным соусом, но и та самая бутылка вина, которую Аня принесла на их первую встречу, Сергей поднял свой бокал и посмотрел на неё через прозрачное стекло, в котором плясали отблески свечей, зажжённых для создания праздничной атмосферы, и произнёс то, что давно уже зрело в его душе:

— За наше знакомство, которое началось в самом неожиданном месте и продолжается каждый день, делая мою жизнь ярче и теплее. За тринадцатый этаж, который стал для нас не проклятием, а благословением, и за все те вечера, которые у нас ещё впереди.

Аня подняла свой бокал в ответ, и в её глазах блеснули те самые искорки, которые он успел полюбить за это короткое, но такое насыщенное время, и она сказала тихо, но с искренней убеждённостью:

— За нас, Серёжа. За то, что мы нашли друг друга в этой огромной, шумной и такой одинокой жизни, и за то, что теперь мы идём по ней вместе.

Их бокалы встретились с мелодичным звоном, и в этом звоне Сергею послышалось обещание будущего, такого же светлого и тёплого, как огонь свечей, освещавший их лица в этот вечер, и он понял, что эта история, начавшаяся с потерянного брелока и застрявшего лифта, на самом деле только начинается, и что впереди у них ещё много страниц, которые они напишут вместе, страниц, полных смеха, разговоров, прогулок и того особого тепла, которое возникает между двумя людьми, когда они решают быть друг для друга не просто соседями, а настоящими спутниками жизни.

Глава третья. Дождь, который сближает

Ноябрь пришёл в город с той особенной, щемящей меланхолией, которая свойственна только этому месяцу, когда осень уже отдала свои последние золотые дары и стоит на пороге зимы, ещё не решаясь переступить эту невидимую черту, но уже наполняя воздух тем пронзительным холодом, который заставляет прохожих кутаться в шарфы и ускорять шаг, стремясь поскорее укрыться в тёплых домах за стёклами, покрытыми узорами первых заморозков. Именно в такой день, когда небо над городом затянулось плотными, свинцовыми тучами, предвещавшими скорый и продолжительный ливень, Сергей стоял у окна своей квартиры и смотрел на двор, где ветер играл с опавшими листьями, поднимая их в воздух и заставляя кружиться в бесконечном танце, который казался одновременно и печальным, и прекрасным, и в его душе зрело решение, которое он вынашивал уже несколько дней, с тех самых пор, как их вечер с Аней закончился тем памятным тостом за их общее будущее. Он понимал, что их отношения перешли в ту стадию, когда простые соседские посиделки и совместные прогулки по парку уже не могут вместить всего того, что они чувствуют друг к другу, и что настало время для шага, который окончательно определит направление их жизни, и этим шагом должно стать самое настоящее, полноценное свидание, которое он планировал со всей тщательностью, на какую только был способен.

Он провёл предыдущие два дня, изучая карту города в поисках идеального места, которое сочетало бы в себе уют, романтику и ту особую атмосферу, которая располагает к откровенным

разговорам и сближению, и его выбор пал на небольшую итальянскую trattoria, спрятанную в одном из старых переулков исторического центра, о которой он знал ещё с тех времён, когда работал в соседнем офисе и иногда заходил туда на обед, наслаждаясь их домашней пастой и мягким, обволакивающим светом свечей. Это заведение не значилось в туристических путеводителях и было известно только местным жителям, которые ценили его за аутентичную кухню и ту непередаваемую атмосферу старого мира, которая создавалась стенами, выложенными тёсаным камнем, и деревянными столами, хранившими тепло множества рук, прикасавшихся к ним на протяжении десятилетий. Сергей позвонил туда заранее, чтобы забронировать столик у окна, откуда открывался вид на маленькую площадь с фонтаном, который, правда, уже не работал из-за приближающихся холодов, но всё равно создавал ту романтическую декорацию, которая была необходима для такого важного события.

Когда он, наконец, собрался с духом и набрал номер Ани, его рука слегка дрожала, а голос, когда она ответила своим мягким, мелодичным голосом, прозвучал хрипловато и сбивчиво, потому что он чувствовал себя шестнадцатилетним мальчишкой, впервые приглашающим девушку на свидание, а не взрослым мужчиной, который уже много лет жил самостоятельной жизнью. Он пригласил её на завтрашний вечер, объяснив, что хочет показать ей одно удивительное место, которое, как ему кажется, должно ей понравиться, и Аня, услышав его взволнованный голос, засмеялась своим лёгким, звонким смехом, который Сергей обожал больше всего на свете, и сказала, что с радостью проведёт с ним вечер, где бы они ни оказались, потому что самое главное для неё — это его присутствие, а не то, каким именно местом он решил её удивить. Сергей почувствовал, как огромный груз свалился с его плеч, и он провёл остаток дня в приятном волнении, перебирая свой гардероб, прикидывая, что ему надеть, и даже решив купить новый свитер, который выглядел бы достаточно элегантно, но в то же время не слишком нарядно, чтобы не создавать излишней официальности в их отношениях.

На следующий день погода, казалось, решила испытать их на прочность, потому что с утра небо окончательно разверзлось и обрушило на город потоки холодного осеннего дождя, который лил не переставая, создавая на улицах настоящие реки, в которых отражались тусклые огни уличных фонарей, и этот дождь, словно подчёркивая важность момента, создавал ту особую, меланхоличную атмосферу, которая идеально подходила для первого свидания, наполняя его ноткой таинственности и неизведанности. Сергей стоял у окна, наблюдая за тем, как крупные капли воды стекают по стеклу, оставляя за собой извилистые следы, и думал о том, что именно такая погода лучше всего располагает к уединению и близости, потому что она заставляет людей искать укрытия друг у друга и создаёт ту естественную интимность, которую невозможно воспроизвести искусственно. Он взял свой самый большой зонт, тёмно-синего цвета, который купил ещё несколько лет назад и который теперь казался ему идеальным спутником для предстоящего вечера, и ровно в семь часов, когда начало темнеть и фонари зажгли свой тусклый, рассеивающийся в дождевой пелене свет, он вышел из квартиры и нажал на звонок соседней двери.

Аня открыла почти сразу, будто стояла за дверью и ждала его, и Сергей, увидев её, на мгновение потерял дар речи, потому что она выглядела сегодня совершенно по-особенному: на ней было длинное тёмно-зелёное платье, которое подчёркивало её стройную фигуру и переливалось в приглушённом свете коридора, а волосы её были распущены и мягкими волнами спадали на плечи, обрамляя её лицо с той естественной красотой, которую невозможно создать ни косметикой, ни укладкой. Она улыбнулась ему своей тёплой, чуть смущённой улыбкой, и в этой улыбке он прочитал то же волнение и ту же радость от предстоящей встречи, которые испытывал сам, и он протянул ей руку, помогая выйти из квартиры и затем придерживая зонт

над её головой, когда они начали спускаться по лестнице, потому что лифт сегодня работал с перебоями, и им предстояло пройти пешком все четырнадцать этажей. Каждый шаг по лестнице, каждый взгляд, который они бросали друг на друга в полумраке, казался наполненным тем особым смыслом, который рождается только на первых свиданиях, когда каждое слово и каждый жест имеют огромное значение.

Они вышли на улицу, и дождь встретил их своей шумной, влажной симфонией, создавая вокруг них тот защитный кокон, который так любят влюблённые, потому что под зонтом можно забыть о целом мире и сосредоточиться только друг на друге, на тепле близкого тела, на запахе мокрого асфальта, смешанном с её духами, которые он успел запомнить и полюбить за эти недели их общения. Сергей обнял Аню за плечи, притягивая её ближе, чтобы она не промокла под косыми струями дождя, которые норовили проникнуть под зонт со всех сторон, и она доверчиво прижалась к нему, и этот жест, такой простой и естественный, вызвал в его груди волну нежности, которую он раньше не испытывал ни к одной женщине за всю свою жизнь. Они шли по мокрым улицам, обходя огромные лужи, в которых отражались огни витрин и фар проезжающих машин, и их шаги звучали в унисон, создавая тот ритм, который объединяет двух людей в единое целое, и Сергей понял, что этот дождь, который поначалу казался ему помехой, на самом деле стал их союзником, создавая ту непередаваемую атмосферу близости, которую невозможно было бы воспроизвести в ясный и солнечный день.

Когда они добрались до trattoria, скрытой в глубине старого переулочка, Сергей открыл перед Аней тяжёлую деревянную дверь, и они шагнули внутрь, в мир тёплого света, мягкой музыки и ароматов итальянской кухни, который окутал их как тёплое одеяло, укрывая от холодного дождя и ветра. Интерьер trattoria оказался именно таким, как он его запомнил: старые каменные стены, покрытые патиной времени, большие свечи в железных подсвечниках, стоящие на каждом столике и отбрасывающие танцующие тени на лица посетителей, и уютные красные скатерти, создававшие ощущение домашнего тепла и уюта. Официант, пожилой итальянец с седой бородкой и приветливой улыбкой, проводил их к заказанному столику у окна, откуда открывался вид на маленькую площадь, которая сейчас была залита дождём и казалась почти мистической, потому что капли воды превращали уличные фонари в сверкающие алмазные нити, а камни мостовой приобрели глубокий, бархатистый оттенок, который невозможно увидеть в сухую погоду.

Аня села напротив Сергея, и когда она подняла на него свои глаза, в которых отражался дрожащий свет свечи, он почувствовал, что этот момент будет врезан в его память на всю оставшуюся жизнь, потому что никогда прежде он не видел ничего прекраснее этого лица, освещённого мягким, тёплым светом, на котором играли тени от пламени, и он поймал себя на том, что хочет запомнить каждую мельчайшую деталь: изгиб её губ, лёгкую морщинку у глаз, появляющуюся, когда она улыбается, и тот неуловимый блеск, который появлялся в её глазах, когда она смотрела на него с той особенной нежностью, которая не требует слов. Они сделали заказ, и пока ждали свои блюда, говорили о самых разных вещах, которые, казалось, не имели никакого значения, но которые на самом деле складывались в ту общую картину их жизни, которую они строили вместе: она рассказывала ему о своих любимых цветах, о том, как в детстве мечтала стать писательницей, а потом поняла, что редактирование чужих текстов приносит ей не меньше радости, чем собственное творчество, а он делился воспоминаниями о своих путешествиях, о том, как однажды провёл целый месяц в маленьком городке на побережье Адриатики, где познакомился с удивительными людьми и научился ценить каждое мгновение жизни.

Когда подали еду, она оказалась именно такой вкусной, как он и предполагал: домашняя паста с трюфельным маслом таяла во рту, оставляя после себя тонкий, изысканный привкус, а красное вино, которое они заказали к ужину, мягко согревало и развязывало языки, делая разговор ещё более искренним и откровенным. В какой-то момент, когда Аня с увлечением рассказывала о своей любимой книге, которую она прочитала на прошлой неделе, Сергей накрыл её руку своей ладонью, и она, не прерывая своего рассказа, переплела свои пальцы с его, и это простое, но такое важное прикосновение сказало им больше, чем любые слова, которые можно было бы произнести вслух. Они сидели так довольно долго, наслаждаясь теплом друг друга и тем особым чувством единения, которое возникает между двумя людьми, когда они понимают, что их встреча была не случайностью, а предначертанием, и что каждый из них нашёл в другом именно то, что искал всю свою жизнь, даже если раньше не осознавал этого до конца.

Когда трапеза подошла к концу и они допили последние капли вина, Сергей почувствовал, что этот вечер был идеальным во всех отношениях, и что он хочет запомнить его каждое мгновение, но в то же время ему не хотелось, чтобы он заканчивался, потому что возвращение в реальность, в их обычную жизнь, казалось ему сейчас чем-то далёким и ненужным. Он расплатился за ужин, несмотря на её слабые протесты, и они снова вышли на улицу, где дождь всё ещё продолжал лить, но уже не так яростно, словно природа тоже устала от своей ярости и решила немного передохнуть, подарив им те несколько минут, когда капли падают медленнее и воздух становится свежим и прозрачным. Они шли обратно под тем же зонтом, и Аня теперь шла ещё ближе к нему, чем раньше, и он чувствовал тепло её тела через ткань своей куртки, и это тепло передавалось его сердцу, разливалось по всему телу и заставляло его чувствовать себя самым счастливым человеком на земле.

По дороге домой они решили пройти через тот самый парк, где гуляли много раз за эти две недели, и хотя он сейчас был пустым и мокрым, освещённым лишь редкими фонарями, это казалось им идеальным завершением их свидания, потому что парк стал для них уже родным местом, хранящим память об их первых разговорах и первых шагах навстречу друг другу. Они бродили по аллеям, усыпанным мокрыми листьями, и их шаги издавали тот особенный, чавкающий звук, который возникает только тогда, когда ступаешь по влажному ковру из опавшей листвы, и этот звук, казалось, был музыкой их свидания, таким же важным и запоминающимся, как любая мелодия, которую они могли бы услышать в ресторане. Сергей заметил, что Аня дрожит, несмотря на его зонт и пальто, потому что дождь успел всё-таки проникнуть через защиту и добраться до её платья, и он предложил ей согреться в маленьком круглосуточном кафе, которое стояло в самом конце парка, у выхода на набережную, где можно было бы выпить горячего шоколада и немного обсохнуть, прежде чем продолжить свой путь домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.